

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ТЕМЧИН
Вильнюсский университет

О развитии письменной культуры Восточной Болгарии до 971 года

Памяти Стефана Кожухарова

Основная цель данной работы, сопровождаемой лишь минимально необходимыми ссылками на литературу, состоит в представлении динамики восточноболгарской письменной культуры с момента создания Первого Болгарского царства (680 г.) до захвата Преслава, столицы Восточной Болгарии, войсками византийского императора Иоанна I Цимисхия (971 г.).

В истории восточноболгарской письменности указанного периода можно выделить пять этапов.

1) 680–864 гг. — время существования языческого государства. Первое Болгарское царство (680–1018 гг.) возникло как языческое болгаро-славянское государство со столицей в г. Плиска. Население страны было этнически неоднородным и состояло в основном из носителей славянских и тюркских (протоболгарских) диалектов. В сношениях с соседней Византией болгарские правители должны были использовать греческий язык и письмо. О письменной культуре языческой Болгарии можно судить по сохранившимся протоболгарским надписям (тюркским по языку), выполненным старотюркскими рунами и греческим письмом, а также по эпиграфическим памятникам на греческом языке. Славянские надписи этого времени отсутствуют.

Во второй половине IX в. Болгарское государство значительно расширило свою территорию в западном направлении, в результате чего в его состав вошли земли с преимущественно христианским населением, к тому времени уже обладавшим собственной церковной организацией, — область в верховьях балканской р. Моравы (852 г.) и Западная Македония, включая район Охридского озера (ок. 864 г.). Именно после этих территориальных приобретений болгарский хан

Борис (правил в 852–889 гг.) принимает окончательное решение (ускоренное поражением в войне с Византией) об официальном крещении страны [Хабургаев 1994, 98]. Накауне этого события в западной части Болгарии уже существовали церкви с богослужением на греческом языке, однако местная церковная организация действовала независимо от верховной власти все еще языческого государства.

2) 864–886 гг. — от крещения страны до прихода учеников Кирилла и Мефодия. Принятие в 864 г. христианства как официальной государственной религии должно было способствовать консолидации болгарского общества, стиранию этнических различий между славянами и протоболгарами и формированию единой болгарской народности. Прибывшие в Болгарию византийские священники крестили Бориса и его приближенных. Приняв при крещении имя византийского императора Михаила и титул князя, Борис развернул активную деятельность по распространению христианства в стране — выстроил множество церквей, соорудил первые монастыри, “опоясал всю подвластную себе Болгарию семью соборными храмами” (Болгарская апокрифическая летопись, втор. пол. XI в.). По всей стране зазвучала литургия на греческом языке.

Официальное крещение Болгарии и подавление последовавшего языческого восстания 865 г. существенно повлияли на развитие болгарской письменной культуры, стимулировав возникновение *книжности* (ранее практически отсутствовавшей), которая была необходима для организации богослужения и церковной жизни в стране. Крещение Болгарии было осуществлено византийскими священниками, поэтому болгарская книжность с самого начала была грекоязычной. Это положение окончательно закрепилось после Константинопольского собора 869–870 гг., принявшего решение о подчинении болгарской церкви Константинопольскому патриарху. За пределами книжной сферы параллельно с греческой эпиграфикой в Болгарии продолжают создаваться надписи на протоболгарском языке (руническим и греческим письмом).

По всей видимости, именно в этот период абсолютного господства греческой письменности в Болгарии начинаются попытки записи славянской речи греческими буквами. Первые опыты такого рода могли проводиться лишь в рамках *бытовой* письменности людьми, знакомыми с греческой системой письма, но недостаточно владевшими греческим языком. Скорее всего это были представители болгарской социальной элиты, не связанные с местной церковной организацией, в которой безраздельно господствовали греческий язык и письмен-

ность. Попытки применения греческого письма к славянской речи могли быть обусловлены двумя причинами: а) недостаточным владением греческим языком представителями болгарской социальной элиты, б) осознанием ими нежелательности доминирования греческого языка и письменности в Болгарском государстве, которое стремилось к независимости от Византии и даже к соперничеству с ней. В результате возникает бытовая *протокириллическая* письменность, в которой для записи славянской речи использовалось греческое (унциальное) письмо *без устройства*. Неустроенность протокириллицы, т.е. ее неприспособленность для адекватной фиксации славянской речи, была непреодолимым препятствием для ее распространения за пределы неофициальной письменности.

Если протокириллическое письмо действительно создавалось представителями болгарской социальной элиты, то его возникновение в 864–886 гг. вполне определенно свидетельствует о том, что к этому времени некоторая часть протоболгарской знати была уже славянизирована в языковом отношении. Это особенно заметно на фоне отсутствия попыток записи славянской речи греческими буквами в предшествующий период (680–864 гг.), когда создается тюркско-болгарская эпиграфика, выполненная греческим письмом. Все это дает основание предполагать, что процесс языковой славянизации тюркско-болгарской знати начался в IX в. (языковая ассимиляция низших слоев протоболгарского общества началась значительно раньше) и протекал одновременно с христианизацией страны.

После введения в Болгарии греческого богослужения князь Борис-Михаил должен был понять, что доминирующее положение греческого языка и письменности в сочетании с территориальной близостью Византии представляло реальную опасность для его страны. Дальнейшее развитие наметившейся тенденции могло вести к постепенной эллинизации болгарского общества и через нее к утрате государственной самостоятельности Болгарии. Противодействовать этой нежелательной тенденции можно было лишь укреплением позиций одного из местных языков Болгарии — тюркско-болгарского или славянского. Учитывая преобладание славянского населения во многих районах страны, частичную славянизацию протоболгарской знати и, что не менее важно, большую степень христианизации славян по сравнению с протоболгарами, князь Борис с самого начала склонялся к славянскому варианту и потому с интересом следил за деятельностью архиепископа Мефодия и развитием старославянской письменности в соседней Паннонии. Именно в этом смысле следует

понимать сообщение гл. XVI греческого Пространного жития Климента Охридского о том, что ко времени прибытия изгнанных из Паннонии учеников солунских братьев в пограничную болгарскую крепость Белград местный боритаркан (начальник крепости) был уже осведомлен об их деятельности и знал, что князь Борис, пребывающий в далекой Плиске, заинтересован в таких людях.

3) 886–893 гг. — от возникновения болгарской церковнославянской письменности до Преславского собора. В начале 886 г. в Плиску прибыли ученики Кирилла и Мефодия, изгнанные из Сирмия (в Паннонии) после смерти последнего. Князь Борис принял их радушно, так как надеялся с их помощью противостоять доминированию в Болгарском государстве греческого языка и письменности. Приход в Болгарию славянских книжников окончательно predetermined последующую языковую политику Бориса, который в своем стремлении к этнической консолидации болгарского общества решил сделать ставку именно на славянский (а не протоболгарский) язык. Выполняя княжеский заказ, пришедшие из Паннонии Климент, Наум и Ангеларий начали подготовку к объявлению церковнославянского официальным языком Болгарского государства и местной церкви.

Для этого прежде всего было необходимо провести литургическую реформу. Дело в том, что кирилло-мефодиевские переводы богослужебных книг предназначались для литургической практики *миссионерского типа*, которая предполагала проведение церковных служб лишь по воскресным и наиболее значительным праздничным дням [Темчин 1999а]. Этих текстов было явно недостаточно для соборно-приходского (кафедрального) богослужения Болгарии, которое предполагало более регулярное отправление церковных служб, в том числе по субботам.

Если бы в Болгарии ученикам солунских братьев пришлось организовывать литургическую практику на пустом месте, то у них не было бы необходимости реформировать кирилло-мефодиевское богослужение (миссионерского типа). В этом случае можно было бы удовлетвориться простым его воспроизведением, т.е. служить в Болгарии по-славянски с той же степенью регулярности, как это делалось в Сирмии и иных местах Паннонии. Однако к моменту прихода славянских книжников в Болгарию уже не менее 15 лет практиковалось греческое богослужение, что создавало определенный прецедент. Очевидно, греческое духовенство, прибывшее в Болгарию после ее крещения и особенно после Константинопольского собора 869–870 гг., организовало здесь более регулярное кафедральное богослужение (по-гречески), чем то, которое воспроизводилось (по-славянски) в

церквях Паннонии. Хорошо осознавая невозможность замены более регулярного греческого богослужения менее регулярным славянским, Борис стал инициатором (заказчиком) литургической реформы. Ее смысл состоял в создании новых славянских богослужебных текстов, которые дополнили бы кирилло-мефодиевские переводы и позволили бы повысить регулярность славянских церковных служб до того уровня, который к тому времени установился в болгарских церквях (в том числе в семи соборных храмах), где служили по-гречески. Активная переводческая и оригинальная творческая деятельность Климента Охридского, Наума Охридского и Константина Преславского была направлена на замену кирилло-мефодиевской литургической практики миссионерского типа более регулярным соборно-приходским богослужением на славянском языке. Так была осуществлена первая славянская литургическая реформа (о некоторых ее деталях см. [Темчин 1999в]).

Вместе с тем в Болгарии было необходимо переориентировать кирилло-мефодиевскую языковую норму с паннонских говоров на болгарские, заменив фонетические и морфологические паннонизмы болгарскими соответствиями (например, на месте праславянских **tj*, **dj* нужно было заменить [c', z'] на [št', žd']). Эта задача не могла быть выполнена без соответствующей реформы глаголического письма, некоторым буквам которого следовало приписать новое фонетико-фонологическое значение. Можно думать, что такая двойная реформа (книжно-литературного языка и глаголического письма) была принята Климентом Охридским и что именно она скрывается за сообщением гл. XIV греческого Краткого жития Климента о том, что тот “придумал и другие начертания для букв, дабы они были более ясными, нежели те, что изобрел премудрый Кирилл” В действительности реформа глаголического письма касалась не графики, как сообщается в Кратком житии, а функции (фонологического значения) некоторых букв и, следовательно, глаголического правописания. Скорее всего Димитрий Хоматиан (сер. XII в.—ок. 1236 г.), предполагаемый автор жития, знал о предпринятой Климентом реформе глаголического письма, но не был посвящен в детали.

Есть основания полагать, что отказ от кирилло-мефодиевских языковых норм и диалектная переориентация славянского книжно-литературного языка в целях его адаптации к болгарским условиям были совершены не тотчас по прибытии учеников солунских братьев в Болгарию, а спустя некоторое время, когда необходимость подобной реформы стала очевидной [Хабургаев 1994, 103]. В любом случае это должно было произойти до Преславского собора 893 г. и

введения в официальное употребление славянских богослужебных книг — после этого события вряд ли было бы возможно быстрое и широкое распространение результатов орфографической реформы. Предпринятая Климентом Охридским модификация кирилло-мефодиевских языковых норм и глаголического правописания дает нам основание для разграничения старославянского языка и болгарского извода церковнославянского языка, возникшего уже после смерти Мефодия.

Важно отметить, что языковая и орфографическая реформа Климента Охридского, отменившая нормы старославянского языка и правописания (установленные в Паннонии самим Мефодием), была проведена в полном соответствии с лингвистической концепцией солунских братьев. Известно, что первоначально в основу старославянского языка был положен солунский диалект, однако в Сирмии языковая норма была переориентирована на паннонские говоры, что могло быть сделано только под руководством Мефодия. Таким образом, идея адаптации норм славянского книжно-литературного языка к местным условиям восходит к солунским братьям, поэтому языковая и орфографическая реформа, осуществленная в Болгарии Климентом Охридским, должна рассматриваться как непосредственное продолжение кирилло-мефодиевской языковой политики. Ее смысл состоял в отказе от лингвистического фетишизма (т.е. стремления к безусловной стабильности языковых норм) во имя создания у славянских книжников ощущения того, что они пользуются *своим* книжно-литературным языком. В дальнейшем мы увидим, насколько важным было это ощущение для деятелей славянской письменной культуры.

К солунским братьям восходит не только идея приспособления славянского книжно-литературного языка к местным условиям, но и способ ее реализации: адаптируются прежде всего фонетико-орфоэпические нормы, в меньшей степени – словоизменение книжного языка, тогда как словообразование, лексика и синтаксис практически не знают четкого регионального варьирования. Очень вероятно, что подобная модель была выработана славянскими первоучителями в результате сознательной ориентации на лингвистические характеристики византийской литературной традиции, в которой лексика, грамматика, синтаксис и стиль книжного языка следовали старым аттическим образцам, а произношение развивалось путем естественной эволюции [Nedeljkovic 1988, 270–271], так что консервативный книжный язык византийской эпохи приспособлялся к актуальной языковой ситуации именно в области фонетико-орфоэпических норм.

Принципиальное различие между славянской моделью адаптации книжно-литературного языка к региональным условиям и ее византийским образцом состоит лишь в том, что фонетико-орфоэпические особенности местных изводов церковнославянского языка неизбежно отражались в правописании, в то время как греческая орфография, освященная многовековой традицией, оставалась неизменной.

Функционирование в столичной Плиске бытовой протокириллической письменности вызвало протест со стороны пришедших в Болгарию учеников Кирилла и Мефодия. Они указывали на невозможность адекватной записи славянской речи греческими буквами и подчеркивали соответствующие достоинства глаголицы. В своем трактате-апологии *О письменах*, созданном в рассматриваемый период, черноризец Храбр дал подробный сравнительный анализ глаголицы и греческого алфавита как способов записи славянской речи. Представленное в трактате осмысление структуры глаголического письма (выделение в ней букв, обозначающих славянские фонемы и не имеющих функциональных соответствий в греческом алфавите) подготовило идейную почву для будущего доустройства протокириллицы путем ее дополнения глаголическими буквами, обозначавшими фонемы, отсутствовавшие в греческом языке [Хабургаев 1994, 109], в результате чего возникла кириллица. Однако само это событие относится уже к следующему хронологическому периоду.

Трактат черноризца Храбра имел также важные сиюминутные последствия. Во-первых, автор высветлил слабую сторону протокириллицы, указав на ее неприспособленность к адекватной записи славянской речи. Во-вторых, он полемически заострил противопоставление протокириллицы и глаголицы, что сделало идеологически невозможным немедленное дополнение протокириллицы недостающими буквами глаголической азбуки. Пафос трактата-апологии состоял в том, что в Болгарии глаголица, обладающая очевидными преимуществами перед протокириллицей, должна стать единственной системой славянского письма, как это было в Паннонии при архиепископе Мефодии. Однако сторонники протокириллицы, несомненно, рассматривали глаголицу в качестве импортированного элемента чужой культуры и потому противились ее принятию¹. Использование же греческого алфавита для записи сначала протоболгарской, а затем и славянской речи воспринималось ими как элемент *собственной* (болгарской) культурной традиции, от которого трудно отказаться. Эти люди полагали, что после усовершенствования протокириллицы данная графическая система сможет претендовать на универсальность и стать в Болгарском государстве единственной формой славянского

письма. Следовательно, противостоявшие стороны рассматривали глаголицу и протокириллицу в качестве альтернативных (следовательно, несовместимых) способов записи славянской речи. В такой ситуации влияние одной графической системы на другую было невозможно, поэтому на данном этапе глаголица не могла служить моделью и источником усовершенствования протокириллицы.

Апология глаголицы черноризца Храбра подействовала на сторонников протокириллического письма таким образом, что те приняли за его устройство, не ориентируясь на глаголицу, а используя возможности самого греческого алфавита. Путем модификации греческих литер были получены некоторые кириллические буквы, обозначающие специфические славянские фонемы: так, из греческой *B* было получено *Ѣ* (наряду с *ѣ*), из *Z* — *Ѥ* (наряду с *ѥ*), из *I* — *Ѧ* и *ѧ* (наряду с *ѧ*) [Георгиев 1952, 14–24]. Этот процесс заметно продвинул протокириллицу на пути к совершенству, однако ее полное устройство все еще не было достигнуто. Этот промежуточный этап в совершенствовании протокириллицы, достигнутый в результате использования внутренних ресурсов греческого алфавита, можно условно назвать *полукириллицей*. Несмотря на то что все составлявшие ее элементы восходили к греческим буквам, полукириллица стала поистине славянской графической системой, отличной от греческого письма.

Таким образом, трактат *О письменах* имел последствия, абсолютно неожиданные для автора. Его апология глаголицы не дискредитировала протокириллицу, как было задумано, а наоборот — стимулировала ее устройство. Этим и объясняется тот факт, что протокириллица, возникшая в 864–886 гг., эволюционировала так быстро, что уже в период с 886 по 893 г. приобрела облик полукириллицы. Однако окончательное формирование кириллицы было еще впереди.

Итак, в течение 886–893 гг. ученики солунских братьев и их помощники были заняты созданием новых славянских (переводных и оригинальных) литургических произведений для соборно-приходского богослужения, диалектной переориентацией кирилло-мефодиевских языковых норм и реформой глаголической орфографии, тиражированием церковнославянских богослужебных книг и воспитанием нового поколения славянских книжников. Значительная часть этой подготовительной работы была проведена на периферии страны — в давно христианизированной и уже преимущественно славянской Македонии, вдали от протоболгарской знати и греческих иерархов болгарской церкви, резиденция которых находилась в столичной Плиске (впрочем, резиденция болгарского архиепископа могла

находиться в Доростоле, совр. г. Силистра). При этом в самой столице и далее совершалось греческое богослужение, совершенствовалась система записи славянской речи, основанная на греческом письме.

Перемещение центра глаголической письменности из Плиски в провинцию было обусловлено тем, что лишь немногие люди в столичных кругах поддерживали развитие церковной глаголической книжности. Греческие иерархи болгарской церкви не были заинтересованы в расширении и укреплении социальных позиций местных языков Болгарии — славянского и протоболгарского. Тюркскоязычная часть болгарской знати вряд ли симпатизировала развитию письменности на славянском языке. Славянизированная же социальная элита (в лице по крайней мере некоторых своих представителей) отдавала предпочтение не чужой глаголице, а местной протокириллице. Однако глаголической книжности покровительствовал сам князь Борис, возглавивший группу своих единомышленников из среды славяноязычной знати.

4) 893–927 гг. — от Преславского собора до конца царствования Симеона. На всенародном Преславском соборе 893 г. князь Борис передал верховную власть в стране своему сыну Симеону (правил в 893–927 гг.). Одновременно с этим была провозглашена независимость болгарской церкви от Константинополя, церковнославянский был объявлен официальным языком Болгарского государства и местной церкви, а столица страны перенесена из Плиски в Преслав. За этим последовала смена языка официального богослужения (с греческого на славянский) и связанное с ней *преложение книг*, т.е. замена греческой литургической литературы соответствующей славянской. Подобный шаг должен был вызвать не только негодование Константинополя, но и сопротивление местных кругов — греческих иерархов болгарской церкви и той части протоболгарской знати, которой было трудно согласиться с официальным статусом славянского языка (в ее глазах, очевидно, все еще менее престижного по сравнению с тюркско-болгарским), а также недовольство сторонников полукириллицы. По всей видимости, именно эта местная реакция, а не восстановление в столичной Плиске язычества при князе Владимире (правил в 889–893 гг.), стала причиной переноса столицы. Одновременно со сменой языка официального богослужения в болгарской церковной организации начался процесс замены греческого духовенства (в том числе иерархов) славянскими священниками — в том же 893 г. в епископы рукоположен Климент Охридский, ставший, по словам Феофилакта Болгарского, “первым епископом болгарского языка”. Тогда же или

несколько позже (в любом случае ранее 907 г.) в епископский сан был возведен и Константин Преславский.

Однако смена литургического языка затронула не все богослужение Восточной Болгарии, а лишь соборно-приходскую литургическую практику, в то время как ежедневное монастырское богослужение и далее оставалось греческим, ср. [Наппик 1988, 33–37; Турилов 2000, 128–129, прим. 2]. Об этом ясно свидетельствует белоглиняная табличка, обнаруженная в гробнице возле Круглой церкви в Преславе и датированная концом IX–началом X в., — на ней наименования дней недели написаны по-славянски, а инципиты соответствующих церковных песнопений на каждый день недели (отражающие, следовательно, монастырскую практику) даны по-гречески.

Сначала славянское богослужение было введено в преславском кафедральном соборе, находившемся под княжеской опекой. В результате возникло временное противопоставление столичного Преслава, в кафедральном соборе которого службы проводились по-славянски, и бывшей столицы Плиски, где богослужение (в тех церквях и монастырях, которые избежали разрушения в 889–893 гг.) должно было оставаться греческим. Позже, после распространения славянского богослужения на иные (лишь некоторые?) церкви Восточной Болгарии, сформировалось новое языковое противопоставление соборно-приходского (славянского) и монастырского (греческого) богослужения. Эта оппозиция оказалась чрезвычайно устойчивой — она сохранялась до византийского завоевания Восточной Болгарии (971 г.) и была восстановлена во Втором Болгарском царстве (1187–1396), где просуществовала вплоть до афонско-тырновской литургической реформы. Этим и объясняется тот факт, что абсолютно все дошедшие до нас церковнославянские литургические рукописи XI–XIII вв. восточно-болгарского происхождения (впрочем, они немногочисленны) отражают именно соборно-приходское, а не монастырское богослужение [Темчин 1999б].

Использование в церквях Восточной Болгарии славянских богослужебных книг, написанных глаголицей, способствовало окончательному доустройству полукириллицы. Действительно, легализация глаголической книжности на Преславском соборе 893 г. сняла с этой графической системы пелену чужеродности, дальнейшее неприятие глаголицы со стороны приверженцев полукириллицы поставило бы их в явную оппозицию к княжеской власти, что было небезопасно (еще свежа была в памяти расправа с князем Владимиром и его сторонниками). Полукириллица же к тому времени заметно укрепила свои позиции в сфере неофициальной (бытовой) письменности по

сравнению с менее развитой протокириллицей. Вследствие указанных событий идеологическое противопоставление двух способов записи славянской речи, полемически заостренное черноризцем Храбром, было в значительной степени нейтрализовано. Более того, в Восточной Болгарии между этими двумя графическими системами сложилось функциональное распределение — глаголица функционировала как специфически *церковное* письмо, в то время как полукириллица (как и предшествовавшая ей протокириллица) являлась *бытовой* графической системой. Именно функциональное распределение вывело данные системы письма из отношений взаимной конкуренции и сделало возможным дополнение полукириллицы некоторыми буквами глаголической азбуки, на основе или по модели которых были созданы кириллические знаки ж, ч, ш, ъ, љ и некоторые другие. В результате возникла вполне совершенная кириллица. Это событие следует датировать самым концом IX в. С рубежа IX/X веков в Восточной Болгарии кириллические надписи постепенно сменяют эпиграфику на греческом языке [Хабургаев 1994, 109, 112].

Итак, в истории формирования кириллицы следует выделить три этапа: а) протокириллическое письмо (864–886 гг.); б) полукириллица, созданная в результате использования ресурсов греческого алфавита (886–893 гг.); в) кириллица, возникшая после заимствования и стилистической адаптации некоторых глаголических букв (последние годы IX в., приходящиеся на самое начало периода 893–927 гг.). Генетическая неоднородность кириллицы, а именно наличие в ней (наряду со стандартными буквами греческого унциального письма) знаков различного происхождения — модифицированных греческих литер и заимствований из глаголицы, сделала вопрос о происхождении кириллической азбуки серьезной палеославистической проблемой.

Будучи вполне совершенным письмом, кириллица смогла приобрести новые функции по сравнению с полукириллицей и начала функционировать в качестве *мирской* графической системы [Хабургаев 1994, 111], в том числе за пределами бытовой письменности — сначала в княжеской канцелярии, а затем и в официальной эпиграфике. Противопоставление глаголицы кириллице как церковного письма мирскому объясняет, почему болгарская эпиграфика на славянском языке выполнена почти исключительно кириллицей (самая ранняя датированная надпись относится к 921 г.), в то время как крайне лаконичные глаголические надписи являются редким исключением. Иными словами, “палеославистика не располагает данными об использовании глаголицы в миру” [Хабургаев 1994, 137].

На первый взгляд этому утверждению противоречит существование ранних хорватско-глаголических надписей. В действительности же данная эпиграфическая традиция отражает более позднюю ситуацию. Следует обратить внимание на то, что древнейший памятник хорватской эпиграфики на славянском языке — Хумацкая плита рубежа X/XI вв. или начала XI в. — выполнен кириллицей (с добавлением отдельных глаголических букв). Этот факт может говорить о том, что не только в Болгарии, но и на хорватских землях в качестве мирского славянского письма первоначально употреблялась кириллица, противопоставленная глаголице как церковной графической системе. При таком функциональном распределении славянских азбук глаголица, уже давно известная хорватам, не могла попасть в хорватскую эпиграфику. Ситуация меняется лишь после середины XI в., когда указанное противопоставление снимается — вследствие расширения функций хорватской глаголицы последняя становится универсальной славянской графической системой². В результате этих изменений и возникают первые хорватско-глаголические надписи, датируемые второй половиной XI в. Их появление на Кварнерских островах и в Истрии обусловлено тем, что переосмысление первоначальной функции глаголицы (в сторону ее генерализации) было произведено именно там. Очень вероятно, что это событие явилось следствием привилегии на свободное употребление церковнославянского языка и глаголического алфавита, которую антипапа Гонорий II предоставил кварнерским островам Крку, Осору и Рабу в 1067–1071 гг. [Klaić 1986, 34–37; Vimbau 1996, 77]. После распространения идеи об универсальности глаголического письма на иные хорватские земли для функционирования здесь кириллицы (в ее западном варианте, известном под названием *босанчицы*) были необходимы дополнительные условия.

В Восточной Болгарии функциональное противопоставление глаголицы и кириллицы просуществовало до конца царствования Симеона. Активно соперничая с Византией, царь Симеон покровительствовал славянской письменности, чтобы та соответствовала уровню его политических и военных притязаний. В этой связи важно отметить, что в его правление восточноболгарские книжники занимались развитием не литургической, а исключительно четьей церковной литературы (включая толкования на Священное Писание), предназначенной для царской библиотеки. Если Борис стимулировал развитие именно богослужебной книжности на славянском языке, то Симеон заказывал славянские переводы такой литературы, которая предназначалась не столько для церковного употребления, сколько для праведного христианского монарха.

Переключение внимания с богослужебной литературы на четью сопровождалось значительной реформой церковнославянского языка, которую принято называть *преславской* или *симеоновской*. Новая литературная норма должна была удовлетворять вкусам молодого царя, получившего образование в Константинополе и, следовательно, более образованного (в византийском смысле) по сравнению со своим отцом. Все же при Симеоне с греческого на славянский переводилась не светская, а духовная христианская литература, поэтому симеоновские переводы записывались славянским церковным письмом — глаголицей [Славова 1999]. Ориентация литературной деятельности симеоновского кружка на внелитургическую христианскую литературу, явно отражающая желание заказчика, способствовала сохранению греческого богослужения в восточноболгарских монастырях, что, видимо, не смущало царя-“полугрека”.

До конца своей жизни царь Симеон стремился к военному соперничеству и культурной конкуренции с Византией, что создавало благоприятные условия для сохранения функционального противопоставления двух славянских графических систем — (церковной) глаголицы и (мирской) кириллицы. Глаголица, принципиально отличная от греческого письма, должна была восприниматься как символ независимости болгарской церкви от Константинополя. Если при Симеоне и возникала идея транслитерации славянской церковной литературы с глаголицы на кириллицу, то она не имела шансов на успех — в глазах царя она неизбежно должна была выглядеть одной из форм капитуляции перед Византией.

5) 927–971 гг. — от начала царствования Петра до византийского завоевания Восточной Болгарии. В царствование Петра (927–970 гг.) в Болгарии складывается совершенно иная ситуация. Царь не стремится к расширению своих владений, в стране намечается упадок, государство ослабевает и фактически распадается на две части — восточную и западную. Литературная деятельность ведется гораздо менее интенсивно. Однако Петр, в отличие от предыдущих царей, принимает в ней личное участие (в том случае, если царь Петр действительно тождественен Петру черноризцу — болгарскому писателю X в.). Царь благоволил монашескому сословию, которое в его царствование заметно окрепло и разбогатело [Андреев 1992, 73–79, с литературой]. В конце концов Петр сам стал монахом, приняв малую схиму. Не исключено, что в эту эпоху переводческая и оригинальная творческая деятельность восточноболгарских книжников ведется прежде всего в рамках аскетической литературы.

Отсутствие у царя Петра экспансионистских устремлений и живой заинтересованности в дальнейшем государственном строительстве хорошо согласуется с его интересом к аскетической традиции, ведь и в самой Византии государственная (имперская) идеология была характерна для представителей противоположного — гуманистического направления византийской культуры [Живов 1995, 4–7]. Поскольку монастырское богослужение Восточной Болгарии оставалось грекоязычным, ориентация царя Петра на аскетическую традицию неизбежно предполагала симпатию к греческому языку и византийской культуре, вполне естественную для болгарского монарха, добившегося права жениться на внучке византийского императора Романа I Лакапина.

Именно в условиях доминирования аскетической идеологии могло быть ликвидировано графическое противопоставление между церковной (глаголической) и мирской (кириллической) славянской книжностью Восточной Болгарии. Глаголические церковные книги были транслитерированы кириллицей, которая, став универсальной системой славянского письма, с этого времени начала безраздельно господствовать в восточноболгарской книжности на славянском языке³. Утратив глаголический облик, славянская церковная литература лишилась своей наиболее яркой самобытной черты и приблизилась (графически) к греческой письменности, что можно рассматривать как проявление византинизации восточноболгарской письменной культуры. Точная датировка этого процесса затруднительна, но можно предполагать, что он проходил не в самом начале царствования Петра, когда тот был занят борьбой за власть, а несколько позже (в 930–940 гг.?). В связи с этим принятая нами нижняя хронологическая граница данного периода (927 г.) должна рассматриваться как условная.

Есть основания полагать, что название *кириллица* первоначально относилось к глаголическому письму. Во-первых, именно глаголица имела непосредственное отношение к Константину-Кириллу. Во-вторых, известная запись Упыря Лихого 1047 г., воспроизведенная в восточнославянском списке Толковых пророчеств XV в., подкрепляет это предположение (иные интерпретации записи менее надежны).

Если это действительно так, то перенос названия *кириллица* с глаголицы на кириллицу мог произойти только при транслитерации славянских церковных книг, осуществленной в Восточной Болгарии в царствование Петра.

Транслитерация славянской церковной литературы с глаголицы на кириллицу производилась в Восточной Болгарии тогда, когда управляемое Петром государство уже фактически распалось на две части —

западную и восточную. Это обстоятельство явилось одним из важнейших факторов, обусловивших географическое распространение кириллической книжности, которая первоначально была ограничена Восточной Болгарией. В Западной Болгарии применение глаголицы в качестве книжного (церковного) письма продолжалось гораздо дольше — здесь она выходит из активного употребления лишь к концу XII века [Турилов 2000, 94–97].

Поскольку в Восточной Болгарии церковнославянский язык использовался только в церковно-приходском богослужении, замена глаголицы на кириллицу в церковной книжности не могла сказаться на монастырской литургической литературе, которая оставалась грекоязычной. После захвата Преслава войсками византийского императора Иоанна Цимисхия (971 г.) болгарский царь Борис II (правил в 970–971 гг.) был пленен и вместе с семейством переправлен в византийскую столицу, где был вынужден сложить с себя царские регалии. Преславские сокровища, включая царскую библиотеку с роскошными экземплярами кириллических рукописных книг, были вывезены в Константинополь в качестве военного трофея. Восточнoболгарские монастыри с их греческим богослужением стали плацдармом для относительно быстрой и эффективной эллинизации страны.

В восточнoболгарских церквях славянское богослужение было восстановлено лишь после создания Второго Болгарского царства (1187–1396 гг.), когда вновь создаются благоприятные условия для развития славянской письменности.

Основные этапы развития восточнoболгарской письменной культуры представлены в нижеследующей таблице (квадратные скобки обозначают периферийное положение соответствующей письменности в рамках указанного хронологического периода).

Этапы (годы)	Восточнoболгарская письменная культура				
	церковная книжность			мирская письменность	
	литургическая		четья	бытовая	канцеляр.
	кафедр.	монастыр.			
1) 680–864	[греч.]	—	—	греч., тюрк.	греч.
2) 864–886	греч.	греч.	[греч.]	греч., тюрк., протокирил.	греч.
3) 886–893	греч., [глагол.]	греч.	греч.	греч., тюрк., полукирил.	греч.
4) 893–927	глагол.	греч.	глагол., греч.	греч., кирил.	греч., кирил.
5) 927–971	кирил.	греч.	кирил., греч.	кирил., греч.	кирил., греч.

В Западной Болгарии развитие славянской письменности пошло по особому пути. Специфика западноболгарской ситуации наметилась уже во время вхождения македонских земель в Первое Болгарское царство, отчетливо проявилась в 886–893 гг. и достигла кульминации в начале X в., когда были созданы самобытные формы западноболгарской (македонской) письменной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Не будь этого сопротивления, глаголица неизбежно вытеснила бы из употребления несовершенную протокириллицу, и доустройство последней не имело бы смысла.

² Забегая вперед, отметим, что в Болгарии то же противопоставление было снято противоположным способом: здесь в конце концов универсальным славянским письмом стала другая азбука — кириллица, вытеснившая глаголицу из церковной книжности сначала (во втор. четв. X в.) в Восточной Болгарии, а затем (к концу XII в.) и в Македонии. Противоположный результат был обусловлен в конечном счете тем, что в Болгарии развитие славянской письменности регламентировалось и стимулировалось преимущественно светскими властями, а на хорватских землях — церковными.

³ Идея о том, что восточноболгарские богослужебные книги были транслитерированы с глаголицы на кириллицу не при Симеоне, а при Петре, была высказана мне в частной беседе Георгием Поповым несколько лет назад. Цитируемая статья Т. Славовой блестяще подтверждает это предположение.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Й., 1992: *Българските ханове и царе. VII–XIV век*: Историко-хронологичен справочник. Пловдив.
- Георгиев Е., 1952: *Славянская письменность до Кирилла и Мефодия*. София.
- Живов В.М., 1995: Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси, *Recherche Slavistique*, vol. 42. Roma, 3–48.
- Славова Т., 1999: Глаголическата традиция и преславската книжнина, *Palaeobulgarica*, № 1. 35–46.
- Темчин С.Ю., 1999а: Что представляла собой первая славянская книга, переведенная с греческого Кириллом и Мефодием, *Byzantinoslavica*, t. 60, fasc. 1. Praha, 114–154.
- Темчин С.Ю., 1999б: Типы православного славянского богослужения в XI–XIII веках в связи со структурными разновидностями служебного Евангелия и иных литургических книг, *Slavia*, г. 68, нр. 2. Praha, 191–211.
- Темчин С.Ю., 1999в: Состав дневных евангельских чтений в церковнославянских литургических рукописях, *Slavistica Vilnensis*, 1999. Vilnius, 173–197. (Kalbotyga 48(2).)
- Турилов А.А., 2000: После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X–первой половине XIII в.), in Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А., *Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия*. Санкт-Петербург, 82–162.

- Хабургаев Г.А., 1994: *Первые столетия славянской письменной культуры: Истоки древнерусской книжности*. Москва.
- Birnbaum H., 1996: How did Glagolitic writing reach the coastal regions of north-western Croatia?, *Croatica*, sv. 42–44. Zagreb, 69–79.
- Hannick Ch., 1988: Das musikalische Leben in der Frühzeit Bulgariens: Auf Grund literarischer Quellen des frühslavischen Schrifttums, *Byzantinoslavica*, t. 49, fasc.1. Praha, 23–37.
- Klaić N., 1986: Kako i kada postaje “Metodova doktrina” kulturno dobro Hrvata, *Croatica Christiana Periodica*, god. 10, br. 17. Zagreb, 17–39.
- Nedeljkovic O., 1988: Языковые уровни и характерные черты диглоссии в средневековых текстах православных славян, in Schenker A.M. (ed.), *American Contributions to the Tenth International Congress of Slavists* (Sofia, September 1988): Linguistics, 265–300.

E-mail: sergejus.temcinas@flf.vu.lt

Октябрь 2000 г.

SERGEJ JUR'EVIC TEMČIN

**The development of the written culture
in Eastern Bulgaria before 971**

The history of the Eastern Bulgarian written culture of 680–971 can be divided into five periods: 1) 680–864, e.g., the period of the pre-Christian Bulgarian state, with a rudimentary written tradition in place; 2) 864–886, the point of culmination of Greek literacy in Christian Bulgaria before the arrival of Slavic bookmen expelled from Pannonia; 3) 886–893, the preparatory stage for the introduction of Church Slavonic liturgical books into official use; 4) 893–927, the reign of Tsar Symeon, when the Cyrillic alphabet was created and used as a specifically secular writing system; 5) 927–971, the reign of Tsar Peter and Tsar Boris II, when Church Slavonic liturgical books in Eastern Bulgaria were transcribed from Glagolitic into Cyrillic (presumably in the 930's–940's).